

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**МОРСКОЙ
ВОЛКОДАВ**

Морской спецназ

Сергей Зверев

Морской волкодав

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Морской волкодав / С. И. Зверев — «Эксмо», 2009 — (Морской спецназ)

Такого на дальневосточном побережье еще не видели – вопреки безоблачным прогнозам над морем возник страшный смерч, потопивший десятки судов. Боевой пловец старший лейтенант Сергей Павлов, по прозвищу Полундра, когда-то наблюдал подобный природный катаклизм и потому заподозрил, что этот смерч – рукотворный, то есть против России было использовано климатическое оружие. Есть только один человек, способный создать нечто подобное, – талантливый ученый-климатолог Майкл Бауман, эмигрировавший из России в США. Полундра получает задание срочно отправиться на Аляску и выкрасть злодея-ученого. Задача чрезвычайно сложная – американцы охраняют спеца как зеницу ока...

© Зверев С. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Морской волкодав

Глава 1

Если пройти взглядом по карте Российской Федерации, то первое, что бросается в глаза: несколько жирных точек черного цвета – миллионные мегаполисы, находящиеся в центре паутины железных дорог и автомагистралей. И лишь потом замечаешь десятки небольших черных кружочков – крупные по европейским меркам города и областные центры. Но только в последнюю очередь, присмотревшись, разглядишь и уже не посчитаешь сотни микроскопических точек, которыми где гуще, где реже усыпана вся страна, от Смоленска до Владивостока – это небольшие населенные пункты и поселки городского типа, сосчитать которые так же сложно, как звезды в ясном ночном небе.

Советская Гавань, или, как еще многие ее называют – Совгавань, как раз одна из таких неприметных точек на карте. Это небольшой дальневосточный город, в котором проживает чуть больше двадцати тысяч человек. Подавляющая часть населения – военные и их семьи, ведь в Советской Гавани расположены важные стратегические объекты. Здесь находится и аэродром военно-воздушных сил противоракетной обороны, и база субмарин, а в нескольких десятках километрах от города расположен порт Ванино – все это, казалось бы, должно способствовать развитию города, привлекать новых военнотружущих. Но...

Еще во времена СССР Совгавань была не самым желанным местом для прохождения службы по той простой причине, что это провинциальный город с неразвитой гражданской инфраструктурой. Куда перспективнее было служить в крупном областном центре, где жилье приличней, зарплаты в разы больше, да и есть куда сходить с семьей по выходным. До поры до времени город спасали огромные финансовые вливания советского руководства. Но когда настали тяжелые времена и в СССР наконец-то научились считать деньги, Советская Гавань стала потихоньку вымирать, а военные объекты приходят в упадок. Чтобы спасти положение, в кабинетах Министерства обороны СССР было принято негласное решение – сделать из Советской Гавани эдакий «Гулаг» для военно-морских офицеров. Не угодил чем-то начальству, поспорил с кем не надо, плохо выполнил приказ – пакуй чемоданы и отправляйся служить в этот дальневосточный город. Если женат и есть дети – в верхнем пределе получишь однокомнатную квартиру. Если холост – маленькую комнатушку в общежитии.

Что же касается самой службы, то это самое обычное денежное довольствие для главы семьи, отсутствие работы для жены, практически никаких премиальных и многодневные выходы в суровое Японское море, известное своими негостеприимными водами. Но это еще не самый худший вариант, который может ожидать военно-морского офицера, прибывшего в Советскую Гавань. Даже после развала СССР подобная практика сохранилась.

Куда страшнее, если флотское начальство дало направление не в сам порт Ванино, а на базу списанных атомных подводных лодок, что находится неподалеку. Эту базу местное население прозвало кладбищем подводных лодок. И действительно, более меткого названия не подберешь. Десятки списанных субмарин, словно гигантские черные гробы, стоят на приколе вдоль побережья. С подводных лодок и по сей день все еще не демонтированы атомные реакторы. Случись ЧП, и ядовитые ядерные отходы просочатся наружу, вызвав небывалую по своим масштабам экологическую катастрофу. Степень загрязнения окружающей среды даже страшно себе представить. Одно можно сказать точно – Чернобыль по сравнению с этой катастрофой покажется незначительным происшествием. Флот атомных подводных лодок создавался в стране в спешке, и поэтому

конструкторы толком не сумели создать систем по демонтажу реакторов. Вот на эти самые списанные атомоходы и отправляют служить проштрафившихся военно-морских офицеров.

Каждый день находиться по двенадцать часов в душном закрытом пространстве наедине с неисправными приборами в списанной субмарине – настоящая пытка для бывшего подводника. Со временем так и спиться можно, и с ума сойти, от людей отвыкнуть и начать бросаться на первого встречного. А то и чертики начнут мерещиться с привидениями. Поэтому совершенно не удивителен недавний случай, когда военно-морской офицер, перебрав со спиртным, заснул на рабочем месте с непотушенной сигаретой. Благо, что возникший пожар успели вовремя локализовать. А то можно себе представить, что произошло бы, охвати огонь всю подводную лодку. После таких инцидентов на субмаринах стали дежурить по двое. Но разве такая мера поможет? Едва ли. Ведь пить вдвоем веселее, чем в одиночку. Всегда найдется кому сказать сакраментальное: «Ну, что?»

В общем, для каждого военно-морского офицера попадание в Советскую Гавань означает не что иное, как жирный крест на всей его дальнейшей карьере. Лишь немногим удавалось реабилитироваться в глазах флотского начальства и вернуться на прежнее место службы. А большинство «сосланных» военно-морских офицеров так и остаются служить в этом дальневосточном городе на всю жизнь.

* * *

В раннее воскресное утро на железнодорожном вокзале Советской Гавани было пусто и безлюдно. Лишь часам к шести на залитом дождем перроне появились хмурые и сонные дворники в оранжевых спецовках. Они небрежно размахивали пушистыми метлами, подымая над асфальтом фонтаны брызг. Вместе с водой в воздух подлетали размякшие «бычки», пивные пробки, блестящие упаковки от чипсов и орешков. Замусоренный с вечера перрон постепенно приобретал ухоженный вид.

Закончив уборку, дворники тут же исчезли, словно растворились в воздухе. Через некоторое время на перроне показался седобородый библейского вида старик в затертом пиджаке с аккуратными заплатками на локтях, в синих спортивных штанах и в потрепанных кедах, завязанных разноцветными шнурками. Прикурив выуженный из помятой пачки «бычок», он приступил к детальному осмотру урн. Зашуршал целлофановый пакет с красочной рекламой столичной торговой сети, звонко забились в нем друг о друга пустые пивные бутылки. Бомж ловко и без заминки собирал богатый «урожай» стеклотары, по ходу запихивая в карманы пиджака надкусанные пирожки, беляши и булочки.

Вдалеке глухо и тревожно загремело. Зазвенели в металлических урнах пустые бутылки, завибрировали стекла в высоких оконных рамах здания вокзала. Перрон отозвался вибрацией, словно началось далекое землетрясение. Седобородый старик взвалил на плечо громоздкий пакет и слегка шатающейся походкой поплелся к мосту надземного перехода. Громкоговорители на высоких бетонных столбах ожили – голос диспетчера хрипло и невнятно скороговоркой сообщил, что на первую платформу через минуту прибудет скорый поезд «Владивосток – Советская Гавань»...

Нарастал зубодробительный перестук колес. Загудел оглушающим воплем свисток. Рассекая тонкую сетку утреннего дождя, на вокзал буквально ворвался локомотив-тяжеловес, а следом за ним потянулась и длинная вереница однообразных синих пассажирских вагонов. Вытянувшись всем своим длинным змеиным телом вдоль перрона, поезд напоследок вздрогнул и замер. В воздухе запахло тяжелым антрацитовым дымом.

– Приехали, – безрадостно вздохнула стройная брюнетка, белобрысый мальчишка-сынчик крепко держал за руку свою мать и пытался рассмотреть через мутное после путешествия стекло перрон.

Рядом с брюнеткой высился мужчина в форме старшего лейтенанта военно-морского флота Российской Федерации. Его волевое лицо было несколько бледным и уставшим. Он задумчиво вглядывался в запотевшее окно и напряженно морщил лоб, чуть переминался с ноги на ногу. Даже невооруженным глазом было заметно, что офицер сильно нервничает, волнуется, ведет себя так, словно привез свою семью не просто к новому месту службы, а в лагерное поселение.

Причин для беспокойства у старшего лейтенанта ВМФ РФ Михаила Павлова по прозвищу Полундра было предостаточно. Это и переезд на новое место жительства в Советскую Гавань, и предстоящая служба в печально известном среди военно-морских офицеров порту Ванино. Но больше всего он переживал не за себя, а за жену и сына. Ведь это по его вине Оля ушла с любимой работы, распрощалась с лучшими подругами, а сын вовремя не пошел в детский садик. И все это ради того, чтобы, как и прежде, быть рядом с ним, чтобы поддержать в трудный период жизни. Как все сложится здесь, на новом месте, Полундра мог только гадать. Но все, что он знал о Совгавани, ничего хорошего его семье не предвещало.

Михаил Павлов тяжело вздохнул и отвернулся от мутного, словно его мыльной тряпкой протерли, окна.

– Пора, – прозвучало из его уст, как приговор.

– Пора, так пора, – без особой радости отозвалась жена, казалось, что ее глаза мгновенно потеряли блеск.

Проводница уже гремела рычагами, поднимая площадку в тамбуре, протерла запылившийся поручень.

– Счастливо оставаться, – бросил Полундра железнодорожнице.

– И вам счастливо, – отозвалась женщина.

Крутыми металлическими ступеньками Павловы спустились из вагона. Единственный, кто с искренним интересом осматривался на перроне, – мальчишка.

– Папа, а этот город большой?

– Большой, – Полундра, как всегда, был немногословен.

– А он больше нашего?

Ольга болезненно искривила губы:

– Не задавай глупых вопросов.

– Почему же? – улыбнулся Полундра. – Вопрос не глупый.

– Теперь и этот город наш, – негромко произнесла женщина.

Мальчик повторил вопрос.

– Он такой же, как и тот, из которого мы приехали. Тут тоже хорошо, – не слишком уверенно произнес Полундра.

Спустя какое-то время синие «Жигули» с шашечками на дверцах везли семью Павловых по узким улочкам Советской Гавани. За окнами такси мелькали серые панельные пятиэтажки, старые деревенские дома, соседствующие с новенькими кирпичными коттеджами, на фасадах и крышах которых белели спутниковые тарелки. По мокрым тротуарам, еще не успевшим высохнуть после вчерашнего дождя, бродили бездомные коты и собаки. Редкие утренние прохожие, попадавшие на глаза Михаилу Павлову, казалось, тоже выглядели какими-то подавленными и потерянными. Всем своим видом Советская Гавань навевала провинциальную тоску и уныние.

– Не очень-то здесь радостно, – проговорила Ольга, глядя на местные пейзажи.

– Привыкнем...

Большое разочарование вызвала у Павловых выделенная им служебная однокомнатная квартира. Мало того что она находилась в ветхом трехэтажном здании, так еще оказалась и совсем маленькой: крохотная комнатуха, тесная кухня, узкая ванная комната, соединенная с уборной. Вдобавок везде было не убрано и грязно: пыльный пол, засыпанный старыми газе-

тами, заляпанные отпечатками рук стекла, выпцветшие обои. К тому же предыдущие хозяева забрали с собой практически всю мебель, оставив только старый потрепанный диван.

Уложив сонного сынишку на эту единственную обстановку своей новой квартиры, Оля и Михаил разместились на кухне. Там, благо, оказались два деревянных ящика из-под овощей. Долгое время они просто молчали, приходя в себя после длинной дороги. Только спустя четверть часа брюнетка, наконец, обронула:

- В общежитии, где я жила до встречи с тобой, было намного просторней и уютней.
- Все в жизни меняется, и не всегда в лучшую сторону. Обживемся.
- Дай-то бог.
- Все у нас будет хорошо.

Михаил Павлов сел на подоконник и приоткрыл окно. Ворвавшийся на кухню ветер обдал уставшее, но идеально выбритое лицо приятным холодком. Сонливость, которая одолевала старшего лейтенанта всю дорогу с вокзала, начала потихоньку проходить.

– Ничего, как-нибудь обживемся. Завтра схожу на рынок, куплю обоев, краски. Закажем мебель, – успокаивал супругу Полундра. – А то, что комната одна, так это не страшно. Как-нибудь перекантуемся. Все равно мы здесь долго не задержимся.

– Я знаю, что тебе неприятно говорить об этом, – вдруг произнесла Оля, – но ты так мне толком и не объяснил, из-за чего у тебя возник конфликт с вице-адмиралом, который распорядился перевести тебя из Северодвинска в Советскую Гавань.

Михаилу Павлову и впрямь не хотелось разговаривать на эту тему. Но у него не было манеры что-либо скрывать от своей супруги. Он всегда делился с ней своими проблемами, иногда даже спрашивал совета, но не для того, чтобы безоговорочно последовать ему, а узнать, что же у жены на уме.

– Полгода тому назад мне предложили подписать акт на списание дорогого оборудования, совсем недавно выделенного Министерством обороны. Два водных скутера, подводный мотоцикл, гидрокостюмы, несколько аквалангов... Якобы, в результате учений они пришли в негодность, но я-то знал, что это полная туфта. Просто списывалось украденное. Ну... а потому я и отказался наотрез.

– Понятно, – проговорила Оля.

– Дважды меня не уговаривали. Быстро отцепились. Почувствовали, что ничего не получится.

– И это все?

– Не совсем. Как ты понимаешь, нашелся другой боевой пловец, который акт подписал.

– А кто?

– Не хочу называть фамилию. Может, человек еще одумается. С этим я и пошел к заму по тылу, чтобы поделиться с ним своими сомнениями и отыскать вора, – с неохотой вспоминал Полундра. – Он выслушал меня, покивал головой, поблагодарил, пообещал во всем разобраться. Спустя какое-то время мне намекнули, что готовы дать откупное, лишь бы я отказался от своих слов. Короче, получается, что предложили войти в долю...

– И ты, конечно же, отказался, – перебила Михаила Ольга и тут же спросила: – Сколько хоть предлагали?

– Зачем тебе это знать?

– Я понимаю, что ты любую сумму не взял бы. Но все-таки...

– Не так уж и много. Во всяком случае, не хватило бы даже на машину, не говоря уже про дом и безбедную старость, – невесело усмехнулся Полундра.

– Ты у меня, Миша, не только принципиальный и честный, но и расчетливый, – прозвучало не без иронии.

– Какой есть, – Павлов развел руками. – Так вот. Пошел я тогда со всем этим к вышестоящему начальству. Там меня тоже выслушали, согласились со всем и пообещали в ближайшее

время начать служебное расследование. А спустя месяц появился приказ о переводе меня на новое место службы, в Советскую Гавань. Как я понял, списываемое имущество предназначалось для того самого зама по тылу.

– А флотские начальники? – удивилась Оля. – Почему они за тебя не вступились? Ты же на хорошем счету. Они на тебя молиться должны.

– Незаменимых не бывает. А там тоже разные люди встречаются, невзирая на звания и на погоны. Рыба начинает гнить с головы, – вздохнул Михаил Павлов, – к сожалению, тогда я этого еще не понимал. Верил в то, что наверху обязательно разберутся. Вот и разобрались. Только не по справедливости и не в мою пользу.

– И после этого ты все еще надеешься вернуться на Северный флот? – спросила Оля.

– Если бы я был пессимистом, то, наверное, ответил бы – «нет». Но я же оптимист. А значит, что бы ни случилось, всегда надеюсь на лучшее. К тому же рано или поздно замом по тылу заинтересуются соответствующие органы. Всю эту компанию арестуют и отправят в места не столь отдаленные. А меня вернут к прежнему месту службы.

– А если не получится?

– В конце концов, и здесь нужны боевые пловцы с опытом, – Михаил Павлов поднялся с ящика и крепко обнял Олю.

– Ты правильно поступил. Я тебя ни в чем не корю, – брюнетка крепко прижалась к супругу.

– Вот и все. Во всем нужно стараться видеть лучшую сторону. Если бы я поступил по-другому, сам бы себя перестал уважать.

– Все, забыли об этом, – Оля прикрыла глаза.

Глава 2

В последние годы на Северном флоте Михаил Павлов почти не уделял времени семье, мало отдыхал и постоянно пропадавал на службе. Теперь же, когда его перевели в Советскую Гавань и для начала сразу же отправили в отпуск, чтобы обжился на новом месте, он мог заняться своими делами и немного развеселиться. Правда, уже через месяц старший лейтенант военно-морского флота должен был явиться на новое место службы – в порт Ванино.

Первое время Михаил Павлов присматривался к новому городу. Все для него здесь было незнакомым и чуждым: улицы, здания, люди. Бабки-пенсионерки, которые с раннего утра до позднего вечера оккупировали лавочки возле подъездов, обсуждали своего нового соседа и его семью. Но старший лейтенант не обращал на них никакого внимания. Чтобы отстраниться от происходящего и на время забыть про все свои проблемы, он затеял в квартире капитальный ремонт. Целыми днями Михаил Павлов занимался ее обустройством: переклеивал обои, клал плитку, покупал мебель. В то же время он успевал уделять внимание и сыну, ведь его жена Ольга была занята поисками новой работы.

Летели дни, проходили недели, жизнь постепенно налаживалась. Оля устроилась учителем русского языка и литературы в одну из школ. Сынишка наконец-таки пошел в детский садик. Ремонт в квартире был полностью закончен. Отпуск Михаила Павлова подходил к концу. И в последний день перед выходом на службу он решил хорошенько отдохнуть со своей семьей.

Несмотря на воскресный день, когда, казалось, большинство жителей должны были выбраться из своих квартир и прогуляться по городу, набережная была практически пуста. Лишь на нескольких скамейках сидели парочки влюбленных, спасающиеся от холодного ветра горячими поцелуями и страстными объятиями. А по пустынному пляжу неторопливо прогуливалась женщина в сером пальто, придерживающая рукой широкополую шляпу, которую так и норовил сорвать с головы дующий с моря ветер. И только в небе наблюдалось заметное оживление: сотни чаек кружили в холодном воздухе, то сбиваясь в огромное голосистое облако, то разлетаясь на множество белых комочков.

В небольшом кафе «Бригантина», единственно открытом на всю набережную, было шумно и многолюдно. Подвыпившие компании распевали застольные песни, громко смеялись и звонко чокались рюмками. Найти свободный столик в этом заведении было проблематично. Но Павловым повезло. Официантка провела их на второй этаж, где было немного посвободнее.

– Я не буду есть суп, – дернув за рукав маму, закапризничал мальчик, – он невкусный.

– Ты выдумываешь.

– Не выдумываю. Он уже остыл.

– Надо, сынок, надо.

– Не буду... не буду, – упрямился Никита.

– Может, и не такой вкусный, как готовит мама. Но я обещал ей сегодня выходной от работы по дому. А кто же тогда будет запускать кораблик? – Михаил заговорщицки подмигнул Оле.

– Не знаю. Наверное, другой мальчик, который папу с мамой слушается.

Мальчик тут же все понял и перестал препираться с родителями. Теперь он был готов съесть целую тарелку ненавистного ему борща. И все ради того, чтобы не лишиться возможности запустить вместе с отцом модель парусника, который они собирали и клеили весь вчерашний вечер.

– Никогда не видела такого красивого горизонта, – восхищенно воскликнула Оля, – смотри, Миша. Такого у нас в Северодвинске не увидишь.

Павлов посмотрел в окно. И действительно – небо над горизонтом было необычайно красивым. Оно переливалось яркими насыщенными красками, постоянно меняя свой цвет – алый, фиолетовый, оранжевый... Казалось, что создать природе такое не под силу. Лишь современная компьютерная графика способна на такие необычайные художества. Но сомневаться не приходилось – все было реально и происходило наяву.

– Неужели и здесь бывает северное сияние?

– Не должно...

– Но ты же сам видишь.

– Всякое в природе случается. Интересно, – Михаил был не в силах оторваться от восхитительного зрелища. – И что удивительно, до захода солнца еще довольно-таки далеко.

Но то, что произошло дальше, еще больше потрясло Михаила и Олю. В небе над горизонтом неожиданно появился с десяток светящихся огней. Они были настолько крохотными, что казалось, это сигнальные огни пролетающего над морем самолета. Но принадлежать летательному аппарату они не могли, так как не двигались, а постоянно находились на одном месте. Да и какому пилоту взбредет в голову включать в ясный погожий день все опознавательные огни? Происходящим в небе заинтересовались и люди за соседними столиками. Поползли разговоры, что это НЛО, прилетевшие в Советскую Гавань для исследования секретных военных объектов. Многие начали фотографировать странные огни на фотокамеры своих мобильных телефонов.

Но вскоре огни исчезли. А через мгновение в небе начали происходить не менее странные метаморфозы. Возникшее из ниоткуда огромное светящееся облако вспыхнуло оранжевым огнем и тут же погасло. Горизонт в считанные минуты почернел. В темном небе ярко засверкали молнии. С грохотом прокатились по небосводу молото-отбойные раскаты грома. Да такие мощные, что стекла в окнах кафе содрогнулись и пугающе задрожали.

– У меня плохое предчувствие, – Михаил напряженно смотрел на апокалипсический горизонт. – Что-то ненатуральное в этих изменениях.

– Может, рассосется, – успокаивала себя Оля, хоть уже и чувствовала, как волнение супруга начинает передаваться и ей.

– Однажды мне доводилось с таким сталкиваться.

– С чем?

– Тогда про торнадо я только слышал. А потом пришлось его и увидеть.

– Ты мне не рассказывал.

– Я многого тебе не рассказывал.

– Я догадываюсь. Ты просто меня жалеешь. А я-то знаю, когда тебе грозит опасность. Я даже посреди ночи просыпаюсь.

– Все происходило, как сейчас: странные огни, огненный шар... – начал Полундра.

Все открытые форточки, окна, двери вдруг разом захлопнулись. Тревожно звякнул колокольчик, привешенный на двери. Никита заплакал и бросился к маме. Оля крепко прижала к себе сына, начала успокаивать. Все посетители кафе смолкли. Воцарилась мертвенная тишина. Лишь слышалось, как свищет и гудит разгуливающий за окнами кафе ветер.

– Ни хрена себе, – выдохнул наконец один из посетителей и нервно глотнул пиво.

А в это время далеко в море уже вырастали, тянулись ввысь волны-великаны. Подгоняемые ветром, они на всех парах неслись к берегу. Окажись на их пути какое-нибудь небольшое рыболовецкое судно, то членам его команды пришлось бы туго. В лучшем случае волны побросали бы судно в разные стороны, покачали и отпустили бы восвояси. В худшем – опрокинули бы и выбросили на берег, как какую-нибудь щепку. Но, к счастью, в этот день ни одного корабля в открытом море не наблюдалось.

Те немногие, кто находился на набережной, увидев надвигающиеся на берег громадные волны, бросились бежать подальше от воды. Но сильный ветер превращал их бег в медленные

и вязкие телодвижения, словно под их ногами был не асфальт, а топкое болото – точно такое же ощущение возникает во сне, когда пытаешься убежать или догнать кого-то.

Но внезапно ветер стих. Цветные сполохи и молнии сместились к северу, ушли за мыс. Небо на горизонте прояснилось. Огромные волны, уже практически подобравшиеся к берегу, ослабли, потеряв всю свою силу, и выплеснулись на галечный пляж густой пористой пеной. Из-за расступившихся облаков выглянуло яркое солнце, позолотив выровнявшуюся поверхность моря. Люди на набережной, которые еще минуту назад спасались бегством, теперь любовались посветлевшим горизонтом. А чайки над их головами надрывно и наперебой голосили, словно делились радостной вестью друг с дружкой.

– Вот и верь после этого синоптикам. Ведь никто штормового предупреждения не делал, – облегченно вздохнула Оля, посадив сына на колени. – Хорошо, что вы с Никитой парусник не пошли запускать.

В кафе вновь стало шумно. Но если раньше компании распевали песни, травили анекдоты и громко смеялись, то теперь они увлеченно обсуждали произошедшее. Свидетелями одного такого разговора, который начали подростки за соседним столиком, стали и Павловы.

– Похоже на смерч. В детстве мне доводилось видеть подобное. Так что нам конкретно повезло, что ветер резко сменил направление и подул в другую сторону, – пищала тонким голоском крашенная блондинка-школьница.

– Фигня все это, – засипел конопатый подросток в косоворотке, – я вот на днях по «Дискавери» смотрел передачу о глобальном потеплении. Точно сказать не могу, но, скорее всего, то, что здесь произошло, было одним из его проявлений.

– Верно, чувак, – подхватил худощавый паренек в очках напротив, – задолбали они со своими машинами. Парниковый эффект... Уже дышать в крупных городах невозможно – везде эти выхлопные газы. Вот пересели бы все дружно на велосипеды, как я, не было бы такой ерунды...

– Хорош, ботан, про велосипеды распрягать, – оборвал очкарика бугай в спортивном костюме фирмы «Адидас», – вот встречу я тебя в городе на своей «девятке», тогда посмотрим, что лучше – твой велик или моя тачка...

– И чем она лучше?

– Давай наперегонки по городу.

– Если по городу, то я первый к финишу приду, – заверил велосипедист.

– Это как еще?

– Просто. Пока ты квартал на машине объезжать будешь, да на светофорах ждать, я на своем велосипеде дворами проберусь.

– Скажешь тоже...

– Не скажу, а сделаю.

Близился вечер. Отблески заходящего за линию горизонта солнца таяли в море, растекаясь по воде расплавленным металлом. Михаил Павлов стоял у кромки берега, вслушиваясь в магический шепот волн, перекатывающих по гальке. Неподалеку сидел на корточках Никита. Он улыбался и радостно хлопал в ладоши. Пущенный им по воде кораблик с надутыми парусами медленно скользил по морской глади, отдаляясь от берега.

– Миша, – позвала мужа Оля, – пообещай мне, что там, в море, ты будешь осторожен.

Михаил притянул к себе Олю и поднес к ее дрожащим губам палец.

– Т-с-с-с... Посмотри, как красиво. Еще немного, и стемнеет, – и глаза Полундры вспыхнули алым пламенем заката.

Глава 3

Как справедливо принято говорить в народе: «не верь написанному на заборе, а верь тому, что увидишь своими глазами за ним». Это крылатое выражение применимо ко всему в этом мире. А особенно там, где принято скрывать истинные цели от противника.

Гидрографическая служба – неотъемлемый атрибут любого военно-морского флота. С ее помощью ведется постоянное изучение морского пространства. Это и составление лоций, и наблюдение за отливами-приливами, и описание изменений, происходящих на морском дне. В общем, типичная научно-исследовательская деятельность. Но в ВМФ не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

Порой гидрографическая служба занимается тем, чем в принципе заниматься не должна: радиолокационной разведкой и контрразведкой, составлением подробных карт акваторий зарубежных военных баз, наблюдением за морскими учениями иностранных флотов. А вот во время походов все гидрографические суда военно-морского флота становятся плавучими штабами флотского спецназа, который обеспечивает безопасность стоянки в зарубежных портах. Так что, по большому счету, название «гидрографическая служба» является лишь ширмой и прикрытием для разведывательно-шпионской, а то и диверсионной деятельности. На одно из таких судов и поступил на службу старший лейтенант Михаил Павлов по прозвищу Полундра.

В открытом море, всего в двух морских милях от Советской Гавани, казалось, шли настоящие боевые действия. Два катера береговой охраны преследовали четыре моторные лодки. Прямо над ними кружил вертолет. Патронов не жалели ни преследователи, ни преследуемые: трескотня автоматных очередей не смолкала ни на секунду. Под ноги стреляющих звонко сыпались дымящиеся гильзы. Одна за одной булькали в воду гранаты, взрывались, поднимая фонтаны брызг, языками к небу рвалось окрашенное театральными сполохами пламя.

Напряженная погоня длилась вот уже более получаса. Но за все это время ни одна из враждующих сторон так и не понесла каких-либо потерь: ни одного раненого, ни одного убитого. Все оставались живы, здоровы и продолжали вести перестрелку. Но внезапно автоматная стрельба прекратилась, воцарилась почти умиротворяющая тишина. Было лишь слышно, как тархтят сбавившие обороты моторы и глухо бьются о борта лодок и катеров волны.

Высокий мужчина в камуфляже забрался на крышу катера. Рельефные мускулистые руки вцепились в гашетку крупнокалиберного пулемета. Грозное оружие ожило. Дорожка всплесков протянулась от катера к одной из лодок. Находившиеся в моторке люди стали бросаться в воду, со всех сил гребли подальше от лодки. Вскоре прогремел взрыв. Над моторкой взметнулся столб дыма, но сама лодка почему-то осталась целехонька и мирно покачивалась на воде. Над ней завис вертолет.

Командир гидрографического судна, наблюдавший за морской бойней в бинокль, скривил сухие губы.

– Сплошная показуха, – процедил он сквозь густые усы, – пуляют друг в друга холостыми, виражи по воде выписывают, пиротехникой, как дети, балуются. На прошлых учениях такого театра не было. Делом занимались.

– Это они телевизионщикам позируют, – Михаил Павлов вел взглядом кружащий в небе вертолет. За открытым люком поблескивал оптикой телекамеры оператор в жилетке с эмблемой одного из центральных российских телеканалов.

– Маски-шоу устроили, ей-богу, – неодобрительно покачал головой командир гидрографического судна. – Игра, а не боевая подготовка.

– Телевизионщики уберутся, а мы останемся. Им картинка нужна, они ее и получили. Что называется, кто на кого учился.

– Тоже справедливо. У них свой «хлеб», а у нас свой.

Вертолет с оператором, описав несколько плавных кругов над покачивающимися на волнах катерами и моторными лодками, развернулся и полетел в сторону побережья. Дверь капитанской рубки открылась.

– Разрешите, товарищ командир?

– Входите, – бросил командир гидрографического судна.

– Мы его обнаружили, – доложил прямо с порога оператор сонара.

– Глубина залегания?

– Пятьдесят два метра.

Командир судна повернулся к Полундре.

– Что скажете, старший лейтенант?

– Слишком глубоко. Нужно найти место помельче. Максимум тридцать пять-сорок метров, никак не больше, – покачал головой Павлов.

– Продолжайте поиски. О результатах доложить немедленно, – прозвучал приказ.

– Есть! – козырнул молодой офицер и исчез за захлопнувшейся дверью.

Командир гидрографического судна открыл шкафчик и взял с верхней полки небольшую деревянную коробочку из красного дерева. Поднял лакированную крышку с вырезанными на ней инициалами собственных имени и фамилии. Внутри, в специально предназначенном для этого углублении, лежала черная как смоль курительная трубка. Командир аккуратно набил ее душистым табаком и с наслаждением принялся раскуривать.

– Редкая штука, можно сказать, эксклюзивная. Таких в мире единицы. Делаются по индивидуальному заказу. Много не выкуришь, балуюсь раз-два в день. Это же не курение, а священнодействие. Ее подарили мне на сорокалетие. Вручал лично адмирал, зам командующего Дальневосточным флотом, – попыхивая голубым дымком, хвалился командир перед старшим лейтенантом.

– Если честно, я в этом ничего не понимаю, – признался Павлов, – бросил курить десять лет тому назад. Да и дальше обычных сигарет дело у меня не пошло.

– А я без никотина уже не могу, – командир подошел к окну и взял в руки бинокль. – Хорошая погода: ясный горизонт, чистое небо. Поскорее бы закончились эти учения... – он вдруг замолчал, отодвинул курительную трубку в угол губ. – Ничего не понимаю, – беспокойно зашевелились его густые, прокуренные до желтизны усы, – то ли мне это мерещится, то ли на самом деле происходит.

– О чем это вы, товарищ командир? – Полундра шурился на яркий диск солнца, огненным шаром полыхающий над горизонтом.

Яркий свет слепил, не позволял рассмотреть детали.

– А ну-ка, сам посмотри, старлей, – командир протянул Михаилу бинокль, – видишь десятки светящихся огней? Первый раз подобное наблюдаю. Неужели НЛО...

– Мы – люди военные, нам во всякую нечисть и пришельцев верить по положению не пристало. Пусть чудесами журналисты занимаются.

– Иногда случаются и чудеса.

– Бывает.

– Только у каждого чуда непременно найдется реальное объяснение.

– Вот тогда оно и чудом быть перестанет.

Павлов внимательно наблюдал за странными образованиями в небе над горизонтом. Происходящее здесь и сейчас до боли напоминало ту картину, которую он наблюдал вчера с набережной Советской Гавани.

– Может, метеорологические зонды, у них поверхность анодированная, вот и поблескивают, – пытался найти рациональное объяснение необычному явлению командир гидрографического судна.

– Сильно в этом сомневаюсь, – с нарастающим волнением ответил Полундра, – нечто похожее я уже видел...

– Северное сияние? Так его тут быть не может.

– Нет, не оно. И было это в южных широтах.

– И где же?..

– На Кубе.

Командир внимательно выслушал необычный рассказ старшего лейтенанта Павлова. После чего погладил усы и сделал несколько глубоких затяжек. Выпущенный им дым тут же сбился в плотное облако и повис над его головой огромной бело-голубой шапкой. И это несмотря на то, что дверь оставалась открытой! Такое внезапно воцарилось безветрие – полный штиль.

– Смерч? – он удивленно вскинул брови. – Что-то мне в это мало верится. Скорее всего, вы стали свидетелем мимолетной погодной аномалии. Такое иногда случается, правда, очень редко. А эти огни, может, вовсе и не огни, а какой-нибудь мираж.

– Не знаю... не знаю... – разглядывая в бинокль странные образования в небе, неуверенно бросил Михаил.

– В любом случае доложим и в журнал занесем.

На пороге вновь появился оператор сонара. Доложив, что подходящее место для погружения обнаружено, он тут же удалился. Командир гидрографического судна посмотрел на наручные часы и задумчиво забарабанил пальцами по панели приборов.

– Если мы начнем прямо сейчас, то должны уложиться с опережением, – прикинул он. – Приступайте к выполнению задания, старший лейтенант.

Однако Павлов даже не сдвинулся с места, продолжая стоять у окна и увлеченно разглядывать в бинокль светящиеся огни на горизонте, словно и не слышал приказа.

– Старший лейтенант, – прозвучало удивленно, – вы меня слышите?

– Может, измените свои планы, товарищ командир? – не выпуская из рук бинокля, бросил через плечо Полундра. – Я погружусь, тут вопросов нет, а вы запросите разрешения немедленно возвращаться на базу, переждете какое-то время. И если погода не изменится, выйдете обратно. Я за корабль опасаюсь.

– Вы что, с ума сошли? – опешил командир, все крепче сжимая зубами курительную трубку. – Вас уже не должно быть на борту. В чем дело? Вы отвечаете за свой участок, я за свой.

– Мне огни не дают покоя, – спокойно ответил Михаил.

– Огни! – воздел руки над головой командир гидрографического судна. – Вскоре они исчезнут, пропадут, растворятся. А вот за то, что мы потеряем время, центральный штаб учений нас во все дыры...

– Я успею, товарищ командир.

Павлов отложил бинокль, повернулся лицом к командиру корабля. Их взгляды встретились. И тот, и другой чувствовали, как нарастает между ними напряжение.

– Я-то погружусь, тут проблемы нет. Но вам, я думаю, будет лучше, если перестрахуетесь, – не отступал Михаил. – Нельзя рисковать кораблем и экипажем. Ваш эпизод со следованием корабля на базу или ожиданием в море уже не решает судьбу учений. В отличие от моего погружения.

Командир не выдержал испытания взглядом и отвел глаза в сторону.

– Не знаю точно, за какие такие «заслуги» вас перевели сюда, но упрямства вам явно не занимать, – вдруг командир успокоился, от прежнего гнева не осталось и следа. – Раз вас так беспокоят эти огни и судьба экипажа, то давайте прямо сейчас я свяжусь со штабом и узнаю последние метеосводки.

Павлов согласно кивнул. Не теряя времени, командир нажал на панели приборов кнопку внутренней связи. Вскоре из динамика уже звучал голос оператора, который подтвердил, что

на протяжении сегодняшнего дня ожидается ясная, солнечная погода. Никаких предпосылок для того, чтобы прерывать учения или откладывать их, не было и не предвиделось. А тут еще и светящиеся огни на горизонте пропали. У Михаила не оставалось аргументов для командира, следовало приступить к выполнению задания.

* * *

До этого Михаил целый месяц провел на суше. За все это время он ни разу не выходил в открытое море и тем более не погружался. Для профессионального аквалангиста, коим являлся старший лейтенант Павлов, страшнее пытки и не придумать. Ведь все боевые пловцы в каком-то смысле наркоманы – жить без глубины не могут. А на суше иногда чувствуют себя, как рыбы, выброшенные штормом на берег.

И вот Павлов, наконец, получил свой «наркотик». Облаченный в иссиня-черный гидрокостюм, он сидел на леере, ожидая команду на погружение. За его спиной блестели на солнце два желтых баллона акваланга. С пояса свисал ручной фонарь. А в ногах стоял маленький черный чемоданчик. Назначение последнего, а точнее, его содержимое, играло в предстоящем задании немаловажную роль. Без того, что находилось в нем, задание Полундры превращалось в обыкновенную морскую прогулку с созерцанием глубоководных красот.

Михаил уже натягивал на голову облегающий резиновый капюшон, как его вдруг кто-то окликнул:

– Сколько лет, сколько зим? Вот уж не думал, что мы здесь с тобою встретимся, – вдруг услышал знакомый голос старлей. – Откуда в нашу дыру занесло?

Полундра обернулся. Перед ним стоял высокий плечистый военный моряк в тельняшке. В морщинистом и обветренном лице мужчины Михаил Павлов разглядел знакомые черты. Вот только где он видел этого человека, припомнить, к сожалению, сразу не смог.

– Ванеев Дмитрий, – улыбаясь, напомнил ему великан, – девяносто девятый, Балтфлот...

В памяти старшего лейтенанта смутными фотокарточками всплывали лица тех людей, с которыми он когда-то вместе служил на Балтике.

– Погоди, – шурился на него Полундра, – это не ты, случайно, на свой день рождения догадался на борт грелку с водкой принести? А командира, после того как он твою грелку обнаружил, убедил, будто тебе больные суставы прогревать надо?

– Я, – обрадовался великан, – ну, наконец-то вспомнил. Как у тебя жизнь? Женился уже, небось?

– Женился. Мы теперь с женой и сыном здесь, меня перевели.

– За что такое наказание?

Полундра был бы не прочь поболтать с бывшим приятелем и вспомнить прошлое, но время поджимало.

– Ты меня извини, Димка, – торопливо бросил Полундра, – но давай поговорим после учений. Зайдем в какой-нибудь бар, возьмем бутылочку и хорошенько посидим.

Добродушный великан нисколько не обиделся, так как и сам спешил.

– Понимаю. Без проблем. Буду ждать. Успехов, – сказал он и тут же исчез за надстройкой.

– К черту.

Полундра взял чемоданчик в руку, пристегнул его к запястью серебристым браслетом. Изготовился оттолкнуться ластами от настила палубы. Но что-то его сдерживало. Возникло нехорошее предчувствие, что скоро произойдет что-то ужасное. Вспомнилось и предостережение Ольги.

Михаил посмотрел на горизонт. Но ничего похожего с тем, что ему довелось наблюдать вчера на набережной, он не увидел: синяя морская гладь, безоблачное небо, яркий диск солнца.

«Наверное, я сильно перенервничал. Может, и прав был командир...» – с этими мыслями Павлов ушел под воду.

А тем временем, когда за бортом гидрографического судна все еще расходились круги от погружившегося в воду аквалангиста, с горизонтом стали происходить странные изменения. Сначала он стал красным, потом оранжевым, а через некоторое время и вовсе почернел. Небо над ним затянули серые тучи. Гроыхнул гром, и горизонт заискрился высоковольтными разрядами молний.

Командир гидрографического судна, словно загипнотизированный, смотрел на темную полосу горизонта, освещаемую вспышками молний. Еще несколько минут назад он отдал бы голову на отсечение, что произойти такого сегодня ну никак не может. Ведь метеослужба Тихоокеанского флота обещала ясную, солнечную погоду.

– ... на связи командир гидрографического судна... На юго-востоке наблюдаю грозовой фронт. Не исключен шторм. Какие будут указания?

– Погодные аномалии имеют локальный характер. Опасность возникновения шторма минимальная. Продолжайте нахождение в заданном квадрате, – ответил спокойным голосом оператор центрального штаба учений.

– Вас понял. Остаюсь в квадрате... – командир опустил трубку и передернул плечами. – Черт знает что творится. Локальный характер! Будто я этого и своими глазами не вижу.

Глава 4

В отличие от реальных боевых действий, в военных учениях главное не только выполнить задание, но и уложиться в отведенный временной норматив. Не уложился – значит, проиграл. Даже если и с заданием справился. Вот такие суровые правила. Но на то они и учения, чтобы оттачивать навыки и умения, доводя их до совершенства. Ведь быстрота и чувство времени в настоящем бою играют очень важную – решающую роль.

На задание, которое предстояло выполнить старшему лейтенанту Михаилу Павлову, командованием штаба учений было отведено три часа. За это время он должен был погрузиться к топливopроводу условного противника и подключиться к оптоволоконному кабелю, протянутому параллельно трубе.

Для опытного аквалангиста Павлова, несколько раз участвовавшего в подобных реальных операциях, задача была решаемая. Если бы не одно «но». Помимо всего этого, Полундре предстояло самостоятельно добраться до берега после выполнения задания. А это целых две морских мили. Чтобы преодолеть такое расстояние под водой, нужно затратить как минимум час. Так что, по большому счету, на само задание отводилось всего сто двадцать минут.

Оказавшись глубоко под водой, Полундра включил фонарь. Плотный луч света прорезал полумрак, затрепыхался в нем, словно мотылек вокруг лампочки. Через какое-то время на глаза старшему лейтенанту стали попадаться обитатели морских глубин. Изыщно покачивая остроконечным хвостом, всего в пару метрах от аквалангиста проплыл плоский, как блин, скат. Пронесся, сверкая серебристой чешуей, длинный косяк мелкой рыбешки. Что-то небольшое и стремительное скользнуло по правой ноге старшего лейтенанта.

Вскоре показалось и само дно – песчаное и волнистое, как городской пляж. Оно возникло внезапно, сперва лишь контурами, а затем уже и деталями, словно фотографическое изображение, проявившееся в кювете с реактивом. По песку лениво ползали большие дальневосточные крабы в гладких хитиновых доспехах. Но стоило Павлову к ним приблизиться, как они тотчас же бросились врассыпную. Одни прятались под камнями. Другие заползали в густые заросли водорослей. Третьи окапывались в песке, выставляя перед собой клешни с растопыренными половинками.

Пятно света еще некоторое время скользило по подводным дюнам и камням, пока не уперлось в металлическую трубу, чуть поросшую темно-зелеными водорослями и местами уже облепленную моллюсками. Стальные подставки-опоры с полукруглыми выемками поднимали топливopровод на полметра над дном. Местами попадались и впадины. Поднырнув в одну такую впадину между двумя опорами, Полундра выплыл с обратной стороны трубы, по которой тянулся тонкий оптоволоконный кабель. В руке аквалангиста блеснуло мелкозубчатое лезвие короткого ножа.

Михаил Павлов плыл вдоль топливopровода, время от времени останавливаясь и срезая лезвием присосавшиеся к металлу раковины. Сейчас для него было важным найти не сам оптоволоконный кабель, а соединительную муфту на нем – небольшой цилиндр с соединением волокон. Поэтому Полундра выбирал на трубе лишь те места, где нарост моллюсков был больше, выше и мог под собой скрывать муфту.

Время шло, а под срезанными мидиями, как назло, или белел сам кабель, или чернел фрагмент трубы. Но старший лейтенант не сдавался, упорно продолжая поиски. Настойчивость и настырность вскоре принесли свои плоды. Под очередным срезанным наростом показался черный цилиндр с двумя герметически напрессованными крышечками по бокам.

Перед учениями на берегу Полундра уже много раз проводил подобную операцию, оттачивая движения до автоматизма. Наиболее сложным было подсоединиться так, чтобы не выдать себя всплеском в информационном потоке, проносившемся по кабелю.

Не прилагая особых усилий, старлей сдвинул одну из крышечек. Словно тонкие змейки, в муфте переплетались мерцающие волокна, залитые эпоксидной смолой: они отливали красным, синим, желтым, зеленым светом...

Михаил Павлов открыл черный чемоданчик и извлек оттуда необходимые для работы инструменты: маленькие кусачки, плоскогубцы, считывающее устройство размером со спичечный коробок. Откусанные боковины жестяной муфты блеснули в свете фонаря медью и опустились на дно. Подключение считывающего устройства к вскрытой муфте оптоволоконного кабеля заняло у Михаила не больше пяти минут. Завершив работу, он закрыл крышечку новой, большей по размерам муфтой и включил подсветку на наручных часах. С момента погружения прошло ровно полтора часа. Теперь у него была приличная фора, чтобы, не сильно спеша, добраться до берега и доложить об успешно завершенном задании.

Выбросив пустой чемоданчик, который уже не представлял собой никакой ценности, а только сковывал движения, Полундра оттолкнулся от трубы и поплыл над песчаным дном, извиваясь, подобно угрю. Но не успел он отдалиться от топливопровода и на десяток метров, как почувствовал в воде нарастающее течение. Продвигаться вперед стало совершенно невозможно. Аквалангиста постоянно относило назад, хоть он и со всех сил плыл.

Осознав тщетность своих усилий, Павлов перестал грести, чтобы не распылять драгоценные силы впустую. Он принял единственно правильное решение в сложившейся ситуации – всплыть на поверхность и оценить обстановку. Ведь если там наверху разыгрался шторм – военно-морские учения автоматически сворачивались.

Нужно было торопиться. Но ускоренный подъем с той глубины, на которой находился Полундра, мог вызвать у аквалангиста так называемую кессонную болезнь: в лучшем случае сильное головокружение, повышенное давление, а в худшем случае вскипание растворенного в крови газа и, как следствие, кровоизлияние в мозг. Поэтому Павлов не спешил – всплывал этапами, делая вынужденные остановки через каждые десять метров. Худшие опасения подтверждались, течение не убывало с приближением к поверхности, а усиливалось.

Первое, что увидел старший лейтенант, оказавшись на поверхности: серое небо, затянутое свинцовыми тучами, пронзаемыми яркими и короткими вспышками молний. И тут же на боевого пловца налетела высокая волна. Когда она схлынула, то горизонта вообще не было видно – его заслоняли огромные валы волн.

Сколько ни искал взглядом гидрографическое судно Полундра, его нигде не было видно среди волн. Михаил оказался в безвыходном положении – его судно, которое могло бы взять его на борт, исчезло, а вместе с ним исчезла надежда добраться до берега. Помощь могли оказать лишь спасатели, но Павлов понимал, что в шторм никто не рискнет поднимать вертолет в воздух.

Налетевшая волна подняла Михаила на гребень. И вновь он осмотрелся вокруг в надежде увидеть свое судно. Но... то, что старлей заметил на горизонте, окончательно убило в нем надежду на спасение.

Глава 5

Андреевский стяг, неподвижно повисевший целый день на флагштоке, внезапно ожил, затрепыхался. Первым это заметил командир гидрографического судна, наблюдавший за палубой из капитанской рубки. Поначалу он не придал этому никакого значения, мол, поднялся небольшой ветер, значит, так же неожиданно в скором времени и пропадет. Но через некоторое время, когда солнце зашло за тучи, а море стало беспокойным, он не на шутку забеспокоился.

Выходить на связь со штабом учений он не рискнул, а точнее, не видел в этом никакого смысла. Он заранее знал, какой последует приказ – оставаться на месте и продолжать учения. Да и если бы что-нибудь случилось, командование обязательно вышло бы с ним на прямую связь и предупредило об опасности.

Но командир – бывалый моряк, мог безошибочно определить признаки надвигающегося шторма. А сейчас этих самых признаков было более чем достаточно: затянутое тучами небо, темный горизонт, стремительно нарастающий ветер. Впору задуматься о безопасности своей команды и самого судна.

– Направление ветра? – обратился командир к своему помощнику.

– Норд-вест, – отозвался тот.

– Лево руля, – прозвучало решительно.

Небольшое гидрографическое судно было маневренным и потому быстро развернулось. Теперь командир немного успокоился – судно повернулось носом в том направлении, откуда в скором времени должны были появиться большие волны.

– Задраить все люки.

Ждать долго не пришлось. Уже через несколько минут на горизонте показались пенные валы. Сталкиваясь и ударяясь друг о друга, они стремительно катились в сторону гидрографического судна.

– Маневрировать двигателем. Остаться на месте, – напряженно произнес командир.

Первая волна с легкостью вознесла судно на гребень, после чего так же легко его опустила. За ней налетела вторая, третья, четвертая... Выбранная командиром тактика действовала эффективно. Вместо того чтобы уходить от волны, судно целиком и полностью отдавалось в руки стихии. Все шло гладко – и ничего не предвещало катастрофы. Казалось, что стоит перетерпеть еще какое-то время, и неожиданно начавшийся шторм стихнет, волны улягутся и опасность минует. Но вскоре случилось то, чего ни командир, ни его команда, ни тем более командование на берегу ну никак не могли предвидеть.

В миле от судна из воды вырос смерч. Черной извивающейся воронкой он стремительно поднимался к небу. Вода под ним закружилась, принимая форму гигантской спирально закрученной пробки.

– Я... – старпом с ужасом смотрел на разрастающуюся воронку, – что прикажете... делать... товарищ... командир? – старпом осекся, замолчал.

Командир судна и сам потерял дар речи. Но вскоре взял себя в руки. Как-никак, а от его действий зависела жизнь всей команды. Бездействовать и отмалчиваться, наблюдая за тем, как смерч подбирается к судну, было равносильно самоубийству.

– Сворачиваемся. Уходим к берегу, – на последнем слове казавшийся ровным голос командира все же дрогнул.

Рулевой начал менять курс на обратный, используя небольшое затишье между валами. Судно завибрировало и задрожало, пытаясь развернуться посреди бушующих волн. Но ветер был такой силы, что корабль стал неуправляемым. Волна ударила в корму, прокатилась по палубе. И его боком потянуло в сторону смерча.

Натужно стучал двигатель, но его мощности явно не хватало, чтобы поспорить с взбесившейся стихией.

Командир и весь экипаж отчаянно боролись за живучесть судна. Но уже было понятно, что из объятий смерча им не вырваться. У людей оставалась последняя надежда – спасатели, которые все же могли попытаться эвакуировать с судна часть людей. Тем более что до берега было не так уж и далеко.

– S.O.S., S.O.S., – отчаянно выдавал в эфир сигнал бедствия радист гидрографического судна.

– Попытайтесь выйти из зоны урагана к северу, – послышалось в ответ. – Непогода носит локальный характер, к сожалению, мы не можем сейчас прийти вам на помощь. Ветер и волнение слишком сильные, чтобы подняться в воздух.

– Понял, – прошептал командир и уже беззвучно добавил: – Идите вы к черту.

Корабль наклонило так, что трубка старого переговорного устройства сорвалась с рычага и закачалась на проводе, ударилась о стойку и хрустнула. В разломе показались зеленые проводки.

Командир гидрографического судна сложил ее и, придерживая руками, выслушал доклад. В трюме уже плескалась, прибывала вода, мотопомпы не успевали ее откачивать.

– Отойди-ка, сынок, – бросил командир рулевому, – попробуем прорваться.

Тот молча отошел от штурвала. Теперь судьба судна была в руках командира.

Но смерч не стихал, а даже наоборот, набирал силу. Гидрографическое судно словно магнитом тянуло к нему. Как ни старался командир изменить курс судна, вырвать его из объятий смерча, все тщетно. Корабль, надсадно стуча двигателем, не мог преодолеть силу течения. Он ходил по кругу, и с каждым оборотом радиус этого круга становился меньше.

Наконец, бурлящая воронка, кружившая вокруг смерча, подхватила и закружила гидрографическое судно. С надстройки сорвало тарелку спутниковой связи, посыпались люди, вещи. Все перемешалось. Командира и рулевого отбросило в противоположную – дальнюю часть рулевой рубки. Первый ударился головой о стенку и на несколько секунд потерял сознание. Второй вывихнул руку и расшиб лоб.

«Я должен спасти судно. Я должен», – не переставал твердить себе командир.

Схватившись за поручень, он поднялся на ноги. Перед его глазами все кружилось и ходило ходуном. Каждый шаг давался с огромным трудом. Командир медленно, но все же приближался к штурвалу.

Треснувшее органическое стекло большими кусками посыпалось на пол из перекошенной рамы. Несколько осколков полоснули по лицу командира. Не обращая внимания на глубокие порезы, он продолжал идти к штурвалу. Через мгновение пальцы сжали рулевое колесо. Это была последняя попытка увести судно от беды.

Командир поднял голову и бесстрашно посмотрел на огромный черный столб смерча. Корабль еще несколько раз прокрутился внутри воронки и, коснувшись бортом ее стенки, перевернулся.

Вода в считанные минуты пробралась в отсеки, каюты, рулевую рубку. Оставшиеся в живых барахтались, пытались выплыть, но смерч штопором вкручивал их обратно на глубину.

Вскоре все было окончено. Сделав свое черное дело, смерч медленно пополз в направлении берега. На том месте, где еще совсем недавно виднелось гидрографическое судно, теперь плавали вещи, обломки и спасательные жилеты, которыми так и не успели воспользоваться члены экипажа.

Глава 6

Огромные волны с вспененными гребнями неслись по морю, сметая все на своем пути. Задействованные в военно-морских учениях катера, моторные лодки, корабли были бессильны перед взбушевавшейся стихией. Волны играли ими, как бумажными корабликами, швыряя из стороны в сторону. Многие из маломерных кораблей переворачивались, заваливались на бок, тут же исчезая под водой.

Перед глазами старшего лейтенанта промелькнул оранжевый спасательный жилет. В нескольких метрах от него пронеслась на гребне волны лежащая на боку моторная лодка с еще работающим гребным винтом. Кто-то вдалеке надрывно закричал, прося о помощи. Михаил Павлов хватил ртом воздуха и поднырнул под волну.

Воздуха в баллонах акваланга было не так много, чтобы добраться на нем до берега в подводном положении, и старлей использовал любую возможность плыть, дыша воздухом на поверхности. Его тряхануло, закрутило и затрясло, будто зерна в кофемолке.

Выбившись из сил, он вновь всплыл на поверхность. Глазами, затянутыми туманной пеленой, посмотрел на горизонт. Непонятно почему, но волны таяли на глазах, превращаясь во взбитую пену. Ветер слабел, море успокаивалось. Однако это было скорее затишьем перед настоящей бурей, нежели ее окончанием.

Павлов с ужасом смотрел на гигантский черный столб, штопором ввинчивающийся в море. Смерч не стоял на месте, а стремительно подбирался к гидрографическому судну. Старшему лейтенанту было хорошо видно, что гидрографическое судно оказалось слишком близко к смерчу, чтобы оно могло вырваться из объятий стихии.

На глазах у старлея судно затянуло в воронку, где оно перевернулось, закрутилось как волчок и исчезло под водой. Полундре было больно видеть, как гибнут его сослуживцы, с которыми он еще не успел толком перезнакомиться. Но помочь им он ничем не мог. К тому же где-то там, в смерче, тонул его старый боевой друг, встретиться с которым он договорился сегодняшним вечером.

Смерч, потопивший гидрографическое судно, совершенно неожиданно поменял направление и двинулся в то место, где находился Михаил Павлов. И хотя тот был еще далеко, Полундра стал ощущать, как вновь приходит в переменчивое движение вода вокруг него. У старлея сложилось такое впечатление, словно его вбросили в барабан стиральной машинки, только-только набравший обороты. Он понимал, что уйти от смерча ему уже не удастся, конечно, если тот не изменит направления. Но, судя по тому, как целенаправленно двигалась в его сторону гигантская черная воронка, ожидать подарка от судьбы не приходилось.

У Михаила Павлова оставался только один путь – попытаться, невзирая на нехватку воздуха, как можно глубже уйти под воду. Все же на большую глубину смерч может и не добраться.

Прикусив загубник, Полундра ушел под воду. Глубина была небольшой – до тридцати метров, а глубже с легким аквалангом и не опустишься. Но даже там уже чувствовалось близость смерча. Вода закручивалась в спирали, постоянно меняя направление. Со дна поднимались струи мелкого песка и ила. Старлея бросало из стороны в сторону, но он продолжал упорно продвигаться вниз.

До слуха Михаила Павлова донесся приглушенный гул. Звук нарастал. А вместе с его усилением передвигаться под водой становилось все сложнее и сложнее. Полундра не знал, насколько глубоко он заплыл. Но чувствовал, что глубина недостаточно большая, чтобы скрыться от смерча.

Старший лейтенант Павлов оказался в ловушке. Нависший над ним смерч образовал глубокую вертящуюся воронку. Она тянула его вниз, перемалывая в потоках воды...

Глава 7

Японское море считается одним из самых коварных морей на нашей планете. Штормы, циклоны и ураганы свирепствуют здесь круглый год. Даже страшно себе представить, сколько кораблей покоится на его дне, сколько моряков утонуло в его негостеприимных водах, сколько прибрежных поселков было затоплено и разрушено его гигантскими волнами. И с каждым годом море продолжает забирать новые и новые жизни. Не зря его окрестили вторым Бермудским треугольником. Хотя, в отличие от Карибского, Японское море куда безжалостнее к тем, кто осмелился выйти в его воды.

Для середины сентября небо над нейтральными водами Японского моря было на удивление ясным. Лишь кое-где на синеве просматривались небольшие обрывки белоснежных облаков. Слабый ветер неторопливо тянул их по небу. Он словно играл с ними – то разгонял их в стороны, то сбивал в большой ватный ком.

Высоко в небе, цепляя крылом ошметки облаков, летел американский военно-транспортный самолет «Геркулес». По серебристому фюзеляжу самолета, подгоняемые встречным ветром, скатывались почти закристаллизовавшиеся капли воды. Ледышки хрустели и трескали, отбивая по металлу рассыпчатой дробью.

В заиндеветый иллюминатор, наполовину завешенный шторкой, смотрело бледное лицо в роговых очках с толстыми линзами. Очкарик задумчиво кусал нижнюю губу, время от времени переводя взгляд на пожилого мужчину, сидевшего в кресле напротив него.

Посевший мужчина в генеральской форме с важным видом пытал сigarой, выдыхая клубы дыма прямо на табличку «No smoking». Он то и дело причмокивал толстыми губами, издавая похожие на коровье чавканье звуки. На гладко выглаженной военной форме без лишней скромности блестели ордена, врученные за военные кампании в Панаме, Ираке и Афганистане. Про таких принято говорить – прошел огонь и медные трубы.

Рядом с высокорослым генералом худощавый и сторбленный очкарик выглядел просто убого. Он не мог похвастаться ни мускулами, ни орденами, ни количеством убитых солдат противника. Но всего этого ему и не надо было. Очкарик всю свою жизнь посвятил совершенно другой работе, на первый взгляд не имеющей ничего общего с военным делом.

Майкл (так его настоящее имя – Михаил – произносили теперь на американский лад) Бауман был ученым от бога. Он уже успел сделать в своей научной области – климатологии – не одно открытие. Правда, все его достижения, в отличие от открытий других ученых, не придавались огласке и не были известны всему научному миру. Все, чем он занимался, держалось в строгой секретности и являлось государственной тайной Соединенных Штатов Америки. Это немного угнетало Майкла Баумана, но для него, человека творческого, был важен сам процесс, а не конечный результат исследований. Хотя, без сомнений, попади его открытия на страницы научных журналов, выступи он на нескольких конференциях, ему непременно присвоили бы престижную премию.

Одним словом, Бауман был одним из ученых-невидимок, темной лошадкой, проводящей для Пентагона секретные исследования. Его работа обязывала вести отшельнический образ жизни, который вмещался в простую трехзначную формулу: работа – дом – работа. Любое отклонение от этого графика было невозможным. Специально приставленные к нему люди следили за каждым его шагом, вели круглосуточное наблюдение, фиксируя все происходящее возле его дома на камеру и отражая в своих ежедневных отчетах. Такой работе точно не позавидуешь, пускай и получаешь за нее неплохие деньги. Но все же жаловаться на существующий порядок вещей Майклу Бауману было грешно. Вся его жизнь могла сложиться куда плачевнее, не согласись он в свое время на одну авантюру.

По теперешним документам Майкл Бауман якобы родился в небольшом провинциальном городке штата Иллинойс, окончил университет в Филадельфии по специальности климатолога, прослужил в армии и был принят на работу в научно-исследовательский институт имени Джефферсона. Но так гласила лишь официальная версия и карточка налогоплательщика. Настоящую же, полную правду знали только два человека – он сам и седовласый генерал Хаутауэр.

На самом деле ученый родился не в каком-то там провинциальном городишке штата Иллинойс, а в самой что ни на есть столице, к тому же не Соединенных Штатов Америки, а России. Некогда коренной москвич Михаил Новосядов, переехавший после распада Советского Союза в США и получивший там документы на имя и фамилию Майкла Баумана, трудился в одном из столичных НИИ. Такую фамилию – Бауман – он выбрал себе сам. Ее носила до замужества его мать.

В начале девяностых, когда страну охватил кризис, институт расформировали. Как это обычно бывает, оставшийся без работы человек пристрастился к спиртному. Хватило всего одного года, чтобы ученый превратился в хронического алкоголика. А когда от него ушла жена с ребенком и пришлось разменять квартиру, Михаил Новосядов вообще запил по-черному. За долги ему пришлось даже продать свою комнату в коммуналке и переехать жить на дачу. Казалось, что на этом нормальная жизнь ученого закончилась, и началось бесцельное существование. Но в одно прекрасное утро, проснувшись после очередной попойки, Михаил твердо решил начать новую жизнь.

В те времена в России и на просторах бывшего Советского Союза активно проводил свою спонсорскую деятельность небезызвестный фонд Сороса. Американский миллиардер целенаправленно искал талантливых, творческих людей, труд которых на родине стоил сущие копейки. Взамен жалкого существования он предлагал им гранты на продолжение уже готовых разработок. В перспективе, если разработки находили желающих их финансировать в полном объеме, появлялся шанс получить хорошую работу, зарплату, жилье, но, естественно, при условии, если ученый переезжал на постоянное местожительство за границу. В этот фонд в далекие девяностые и подал заявку Михаил Новосядов.

Не прошло и месяца, как ему пришел положительный ответ. Не раздумывая, ученый тут же покинул родину. В США его таланты по достоинству оценили и взяли на высокооплачиваемую работу. Тогда он еще и предположить не мог, что его исследованиями заинтересуются ЦРУ и высокие военные чины из Пентагона, один из которых сидел сейчас напротив него.

– Кто бы мог подумать, мистер Бауман? Это просто превосходно, – не мог нарадоваться генерал, – у русских начались серьезные проблемы. – Военный протянул ученому стопку распечаток-фотоснимков, от которых пахло свежим картриджем: – Полюбуйтесь, мистер Бауман. Это настоящий прорыв в деле развития климатического оружия.

Майкл молча и без особого энтузиазма пролистал фотографии, после чего понуро опустил голову.

– Что с вами? Разве не над этим вы трудились последние годы? Разве вам не приятно видеть все это? – удивился генерал. – Хотя, подождите... кажется, я знаю, в чем тут дело. – Он подался чуть вперед и положил руку на плечо ученого. – Я понимаю – жалко. Мне тоже очень жаль всех этих людей. Но вы же ученый, и кто, как не вы, должны понимать, что во имя науки можно пожертвовать многим.

– Но люди ведь не подопытные крысы и кролики, – возразил ученый и с неприязнью дернул плечом.

– Прекращайте переживания, мистер Бауман. Люди – людьми, а наука – наукой. И второе всегда выше первого. Ведь, не будь науки, человечество никогда бы не достигло таких технологических высот, которыми оно пользуется сегодня. А вооружение всегда было приоритетом научных изысканий.

Из-под толстых линз на генерала смотрели полные усталости глаза. Испытание взглядами могло длиться еще очень долго, если бы военный примирительно не улыбнулся и не произнес:

– Подумайте лучше о том, как вы распорядитесь этой кругленькой суммой, – генерал Хаутауэр порылся в нагрудном кармане и положил на стол синеватый банковский чек, – он хранится у меня уже целую неделю. Но я отдаю его вам только сейчас, потому что вы только что доказали мне свою состоятельность. Теперь я действительно верю в ваши способности.

– Вы уверены?

– В чем?

– В своей вере.

– Безусловно.

– Вы человек слова. И постарайтесь вспомнить все свои обещания, данные мне.

– Я помню все до единого.

Синеющий на белой столешнице чек магнитом притягивал взгляд ученого. Желание схватить его и посмотреть на сумму было столь велико, что Бауман чуть было не поддался искушению. Но в последний момент, когда рука уже сама тянулась к заветной бумажке, он резко откинулся на спинку кресла и закинул ногу за ногу, сделав безразличный вид. Генерал даже немного растерялся, не ожидая от ученого подобной выдержки и терпения.

– А вы крепкий орешек, мистер Бауман, – скрестив руки на груди, произнес генерал. – Но двести тысяч – это только аванс, – и Хаутауэр перевел взгляд на чек. – Только аванс, – повторил он.

Названная генералом сумма пьянила разум. Ради таких денег можно было простить многие обиды и унижения. А их у Баумана к Хаутауэру за время их продолжительного сотрудничества накопилось ох как много. Но на то они и большие деньги, чтобы решать любые проблемы, в том числе и такого толка.

– Представьте, что вас ждет в будущем. Ведь это только начало, – генерал испытующе смотрел на ученого. – Вам предстоит создать свою научную школу, подготовить талантливых учеников. А там можете идти и на покой. Если, конечно, захотите.

Каменное лицо Баумана, казавшееся до этого непроницаемым, поддалось эмоциям: на губах появилась еле заметная усмешка, щеки покраснели, а глаза суетливо забегали по сторонам.

– Я ценю вашу заботу обо мне и понимаю, как важны для вас мои исследования. И было бы глупо отказываться от предложенной суммы, – осторожно начал ученый, медленно дотягиваясь рукой до заветного чека, – но вы обещали, что я буду заниматься исключительно фундаментальной наукой – климатологией. Я и предположить не мог, что мои разработки применят в иных целях. Тем более на российской территории.

– Люди – людьми, а наука – наукой, – рассуждал генерал. – И второе всегда выше первого... Или я не прав? И не надо притворяться, что вы не знали о последствиях.

Ученый краем глаза посмотрел на чек и, убедившись, что там действительно значится упомянутая генералом сумма, выписанная на предъявителя, тут же спрятал его в карман. Теперь обратного пути у него не было. Этим поступком он окончательно согласился со всем тем, что уже произошло.

Бауман мило улыбнулся собеседнику:

– Вы не подумайте, что я недоволен тем, как со мной здесь обходятся. В частности, ваши люди.

– В чем проблема?

– Иногда они слишком навязчивы в том, как опекают меня. Хотелось бы, чтобы они были более, как бы это сказать...

– Ненавязчивы?

– Вот именно.

– Тут уж я ничего не могу поделать. Ненавязчивым может быть только официант в очень дорогом ресторане. Он будет стоять у вас за спиной в течение всего вечера. Угадывать ваши желания. А вы просто не будете его ощущать. Он умеет вести себя, как мебель.

– Понимаю ход вашей мысли, сэр, – Бауман поудобнее устроился в кресле. – Вы имеете в виду, что только дорогой ресторан может позволить себе держать на работе дорогих официантов?

– И это тоже. Мои же люди получают не такие уж и большие деньги. Правительство вечно экономит на армии. Но каждый на своем месте стремится делать свою работу честно, Других у меня просто нет. Я ставлю задачу, а они ее выполняют, как умеют. Ваша безопасность для них превыше всего.

– Вы не станете отрицать, что это иногда утомляет? Определитесь, кто вам важнее. Работоспособный ученый или же те, кто за мной присматривает?

– Я определился с самого начала. Мне важно, чтобы проект, над которым мы все работаем, стал жизнеспособным, и вы это отлично доказали.

– Проект, проект... не люблю этого слова. В науке есть открытия и рутина.

– Я что-нибудь придумаю, чтобы скрасить вашу серую жизнь, – пообещал генерал.

– Только не забудьте, что я стараюсь избегать шумных мест. Слишком оживленных компаний.

– Мне говорили, живя в России, работая против нас на Кубе, вы придерживались других взглядов.

– Грехи молодости. Там у меня было больше желаний, но меньше возможностей. Издержки возраста.

– Не скажите, желания с годами никуда не исчезают. И старые грехи иногда дают о себе знать. По себе знаю. А я прожил насыщенную жизнь.

Глава 8

Если любимый телесериал, фильм или передачу прерывают экстренным выпуском новостей, значит, случилось что-то неладное. Главной и единственной темой такого выпуска может стать абсолютно все экстренное: и разбившийся авиалайнер, и затонувший танкер, и вирус птичьего гриппа, и разрушительные цунами, унесшие десятки тысяч человеческих жизней. Мы все помним, как в свое время всех потрясли взрывы в Нью-Йорке, затонувшая подлодка «Курск», хаос и уличные беспорядки, охватившие полузатопленный город Новый Орлеан.

Казалось бы, что человечество должно учиться на своих ошибках. Что те трагедии, которые имели место быть, ни в коем разе не должны повториться вновь. Но, к сожалению, все происходит с точностью наоборот. Снова разбиваются самолеты, сходят с рельс поезда, гибнут и гибнут тысячи людей. И каждый раз находят новые причины, о которых почему-то позабыли конструкторы и люди, отвечающие за безопасность.

И это неудивительно, далеко не все в этом мире можно предсказать. Далеко не ко всему можно подготовиться. Далеко не все спрогнозировать. Есть обстоятельства, перед которыми человек бессилен. Ведь не рассчитаешь же точное время, когда начнет извергаться спящий много миллионов лет вулкан? Не предупредишь же заранее людей о сильном землетрясении? Не назовешь же год, месяц и число, когда на землю упадет огромный метеорит, астероид или комета? Все это происходит спонтанно, неожиданно, и, к сожалению, ни мы, ни самая современная в мире техника не в силах точно предугадать, когда наступит час «икс».

Возникший в Японском море смерч стал для всех полной неожиданностью. Ведь еще в утренних выпусках прогнозов погоды улыбочные и жизнерадостные ведущие заверяли, что весь день будет стоять ясная, солнечная погода. Поначалу так оно и было. Но вот ближе к полудню картина кардинально поменялась: небо затянули свинцовые тучи, поднялся сильный ветер, переросший позже в сильнейший смерч. Объяснения этому природному явлению не мог дать ни один синоптик, ведь на снимках со спутника не то что циклона, но и малейшего облачка не было видно.

В маленькой комнате было мрачно и холодно. Свисающая с потолка лампочка постоянно моргала и трещала, раскачиваясь на тоненьком проводе. Казалось, что еще немного, и она сорвется вниз, вдребезги разбившись о паркет.

За окном гудел и завывал ветер. Он срывал с балконов мокрое белье и одежду, ломал ветки, гнул и срывал с крыш домов телевизионные антенны. На припаркованные у подъездов машины падали не выстоявшие перед стихией деревья. Они мяли капоты, багажники, разбивали лобовые стекла. Хозяева автомобилей беспомощно смотрели на все это из окон, успевая только подсчитывать убытки.

Жена старшего лейтенанта Павлова с сыном сидели на старом диване, укутавшись в клетчатый плед. Женщина то испуганно поглядывала в окно, то прижимала к себе сына, то подымала глаза на раскачивающуюся под потолком лампочку. В ее руке попискивал почти разряженный мобильный телефон. В списке последних вызовов значилось только одно имя – Миша. Вот уже целый час женщина пыталась дозвониться до мужа, но на том конце провода упорно твердили: «Абонент, которому вы звоните, временно недоступен». Зная привычку супруга отвечать на все звонки и всегда держать телефон включенным, женщина не на шутку заволновалась.

– М-а-м-а, м-а-м-а, – еле слышно прошептал мальчишка, – а папа скоро вернется?

Ольга тяжело вздохнула и еще раз набрала номер Михаила. Но и на этот раз ей ответил электронный голос компьютера:

– Связь с абонентом временно отсутствует...

– Скоро, сын, скоро. Потерпи немного.

Чтобы хоть чем-нибудь отвлечь мальчишку, женщина включила телевизор. Изображение на экране из-за сильного ветра было деформированным – он то снежил, то моргал цветными полосами. Картинка рассыпалась и искажалась, отчего персонажи детского мультлика, транслирующегося по одному из федеральных каналов, скорее напоминали мутантов-монстров, чем нормальных рисованных зверюшек, к которым привыкли маленькие дети: раздваивающиеся головы, злобные скривленные улыбки, непропорциональные туловища.

Неожиданно картинка на экране застыла, а через мгновение в кадре появилось расплывающееся лицо ведущего новостей. Он начал торопливо говорить что-то про сильный ветер и смерч, обрушившийся на побережье. Женщина прибавила громкости.

– Сегодня в двенадцать часов пополудни в Японском море, всего в десяти километрах от побережья Российской Федерации, образовался смерч, – ведущий зашелестел бумагами, чувствовалось, что он лишь однажды пробежал текст глазами перед срочным выходом в эфир, – в результате десятки судов затонули. Назвать точную цифру погибших пока невозможно. Однако основной свой удар смерч нанес по прибрежным районам. Сейчас с нами на связи наш специальный корреспондент, который находится на месте событий.

Картинка дернулась. В кадре возник корреспондент с микрофоном, на котором пестрела яркая эмблема телеканала. За его спиной виднелись разрушенные здания, поваленные столбы, выброшенные на берег лодки и катера.

– Это ужасно, в это невозможно поверить, – эмоционально излагал журналист, – всего за полчаса смерч практически уничтожил всю прибрежную инфраструктуру от Советской Гавани до Владивостока. К счастью, он обошел стороной города, что, несомненно, спасло тысячи жизней. Но, несмотря на это, количество погибших велико. Уже сейчас сюда прибывают спасатели со всей страны. Вы видите, как за моей спиной разбирают завалы люди в спецформе МЧС. Думаю, что комментировать дальнейший видеосюжет излишне. Раньше подобное мы могли наблюдать только на восточном побережье США да в странах Карибского бассейна...

Ольга с замиранием в сердце следила за происходящим на экране. Спасатели и медики поднимали с земли пострадавших и уносили их на носилках к каретам «Скорой помощи». Отовсюду слышались крики о помощи и стоны раненых. В объектив камеры попал и аквалангист, которого выбросило штормом на берег. Над ним склонились двое медиков. Молодая девушка в белом халате прощупала пульс и радостно вскрикнула: «Он жив!»

Оператор укрупнил картинку. Та же медсестра уже снимала с головы аквалангиста маску и стягивала резиновый капюшон.

– Миша, – на глаза Ольги накатились слезы, – он жив. Слава богу.

Мальчишка тоже всматривался в экран, но он пропустил тот короткий миг, когда показывали лицо его отца. Теперь понять, кого именно грузят в «Скорую помощь», было нельзя.

– Мама, а ты о ком?

Женщина быстро взяла себя в руки.

– Я обо всех. Видишь, сколько бед натворил ураган. Так что нам еще хорошо. У нас здесь тепло. Ветер крышу не сорвал.

– А папа, он там?

– Где?

Мальчишка показал ладошкой на экран телевизора.

– Там, там. Но с ним все в порядке. Он у нас сильный.

Глава 9

В морозном воздухе сыпались, кружили и водили хоромы тысячи снежинок. Каждая из них была по-своему уникальна и неповторима. Природа постаралась на славу, превратив каждую из них в маленький шедевр. Одни напоминали по форме маленькие звездочки, другие походили на зверушек, а третьи и вовсе было невозможно описать словами, настолько красивыми они были. Но, опускаясь на землю, снежинки мгновенно таяли, растворяясь в мутной коричневой слякоти. На их место тут же падали другие, но и их постигала та же участь.

Но вот на возвышенностях, где стояла минусовая температура, было белым-бело. Из-под занесенных снегом склонов высоких гор щетинились колючие верхушки елей. Выглядывал из сугроба дорожный указатель. Едва виднелась припорошенная снегом крыша охотничьего домика. И даже огненный диск солнца, светящийся в синем небе, не мог растопить, превратить в слякоть всю эту снежную красоту.

По искрящимся склонам холмов плавно скользила, переливаясь через бугры и ямы, черная тень – широко расправленные крылья, гордо вытянутая шея, загнутый крюком нос, острые когти. Проваливаясь лапками в снег, огибая сугробы и наносы, от тени убегал маленький серый комочек. Спрятаться, укрыться от приближающегося хищника на почти голом склоне зайцу было негде. Погоня, длившаяся вот уже более часа, близилась к своему логическому завершению.

Полярный орел, обитающий на Аляске, лег на правое крыло, растопырил веерами когти и, сгорбив шею, камнем полетел вниз. Расправа была быстрой и brutальной. Топча лапами алый снег, орел с наслаждением свеживал убитого зайца. Во все стороны горячими брызгами летела кровь, падали вырванные с мясом ошметки кожи.

Раздавшийся выстрел эхом отозвался в холмистой долине. Убитый метким стрелком орел намертво упал на снег, так и не разжав клюва, в котором истекала кровью поверженная добыча.

Вспотевшая рука захлопнула крышечку на оптике снайперской винтовки. На толстых губах заиграла довольная ухмылка. Генерал Хаутауэр похлопал водителя по плечу.

– Трогай, – бросил он.

Снегоход свернул с дороги и покати по заснеженному склону. Из-под гусениц фонтаном полетел пережеванный траками снег.

– Видите, мистер Бауман, – поглаживая ореховый приклад винтовки, произнес генерал, – в нашем деле главное меткость. Промахнись я на несколько сантиметров, и добыча ускользнула бы. Сделать второй выстрел я бы не успел. Важно подловить нужный момент, когда хищник занят добычей и на короткое время теряет бдительность. Отличное чучело-трофей для гостини.

Ученый молча смотрел в боковое стекло, даже не пытаясь подыгрывать самолюбию Хаутауэра.

– Ну вот. Охота закончена, – вымолвил генерал, – а теперь едем в наши владения. В страну чудес, как иногда называют полигон с вашей лабораторией у нас в Пентагоне.

– Звучит слишком возвышенно. Военные иногда очень сентиментальны. Прямо как дети. Я-то его никак не называю, – отозвался Бауман, – последнее время он мне дом родной.

– Не преувеличивайте. Дом – это там, где семья, куда приходят друзья.

– И все же название «страна чудес» мне не нравится. Уж лучше просто – порядковый номер объекта.

– Зря. Ученый просто обязан иметь поэтический склад ума. Не поверите, но, когда принимал вашу программу от своего предшественника, я не надеялся на успех. Мне казалось, что толку от нее не будет.

– Тоже зря.

– Теперь согласен. Но тогда считал, что вашингтонские умники просто решили откусить часть бюджета под несбыточный проект. Подобное часто случается. Как говорится: эффектно, но не эффективно.

– Может, вначале у них и было такое намерение.

– Всякий стремится к собственной выгоде, но только самые сообразительные умеют объединить свою выгоду и выгоду страны. А потому я относился и к вам, и к вашим ребятам скептически. Но вы сумели меня убедить. За климатическим оружием большое будущее.

– Мне казалось, что суть моего проекта по созданию искусственных торнадо на Севере была изложена мной достаточно прозрачно. Да и успехи по применению их против Кубы говорили сами за себя. Мы наносили ее сельскому хозяйству значительные потери. Большие, чем экономическая блокада со стороны Штатов.

– Я думал, что отчеты о ваших успехах на атлантическом побережье – пустое бахвальство наших очковтирателей. Район Кубы и так изобилует природными катаклизмами. Трудно было разобраться, где заслуга Господа Бога, где – ваша. А от политики блокад мы постепенно отходим. Они неэффективны...

– Да, сделать кого-то насильно счастливым – задача невыполнимая.

Снегоход подкатил к самой кромке снежного покрова, лежащего в горах. Далее простиралась высохшая трава. А еще дальше, за лентой автодороги, зеленел луг. Зима и лето сходились почти впритык, так, как это бывает только в полярных широтах летом.

На асфальте Баумана и генерала уже поджидал внедорожник, чтобы спустить их еще ниже – к самому побережью, где располагались полигон и лаборатория ученого. Та самая «страна чудес».

– Я не очень хорошо разбираюсь в научных премудростях, – произнес генерал, – вы не откажете мне в просьбе провести небольшую экскурсию по вашим владениям?

– С удовольствием.

Военный – куратор проекта и его руководитель – Майкл Бауман сели в машину. Вскоре они уже подъезжали к полигону лаборатории. Дорога, проложенная в национальном парке, была сделана по всем правилам туристических трасс. Каждый поворот таил за собой великолепный пейзаж. Ограда полигона была выполнена из почти незаметной глазу оцинкованной сетки, растянутой между тонкими металлическими трубами. Лишь только серебристый вагончик КПП бросался в глаза.

– Вот мы уже почти и дома, – молвил генерал, когда машина миновала щит-предупреждение, извещавший, что далее находится режимный объект.

Морпех на КПП поднял шлагбаум, и внедорожник свернул на узкий проезд, ведущий к морскому побережью.

– Дышится здесь великолепно, – генерал выбрался из автомобиля.

Бауман неторопливо вел генерала Хаутауэра к площадке – около пяти акров выровненного скалистого плато у самого моря. Под ногами хрустел завезенный сюда гравий.

– У вас есть претензии к техническому воплощению ваших идей? – осведомился генерал.

– По большому счету – нет. Однако исполнение всегда хуже задуманного. Это закон жизни. Я понимаю, что мне было предоставлено самое лучшее из того, что было в распоряжении. Прогресс налицо. Ведь на Атлантике оборудование было устаревшим. Я не мог с точностью определять степень наэлектризованности воздуха.

– Рад, что вы не слишком привередливы, мистер Бауман. Некоторые ученые ставят невыполнимые задачи.

– Я не из их числа. Довольствуюсь тем, что есть.

Половину площади занимали мачты с антеннами наподобие громоотводов, половину странные конструкции из деревянных и фанерных щитов, укрепленных тросовыми растяжками.

– Вы откроете свои секреты, повелитель стихии? – генерал лукаво усмехнулся.
– Я не повелеваю стихией.
– Кто же, если не вы? После великого Николо Тесла больше и некому.
– Тесла был гений, такие люди рождаются раз в столетие. Я считаю себя его заочным учеником. Он творил чудеса. Я же просто придумал, как направить природную энергию в нужное русло, – Бауман остановился.

Генерал расправил плечи, осматривая площадку:

– Меня удивили материалы и средства, которые вы указывали в заявке на обустройство полигона. Казалось, вы собираетесь строить киношные декорации. Тысячи квадратных метров водостойчивой фанеры, доски, растяжки...

– Мачты с антеннами, – принялся объяснять Бауман, – это часть системы анализа состояния атмосферы. Мне нужно знать ступень наэлектризованности воздуха, силу и направление ветра, влажность... Но это все вспомогательные инструменты. Главное же заключено в щитах, изготовленных из той самой фанеры и досок, о которых вы говорили.

– Надеюсь понять.

– Мы выставляем дощатые и фанерные щиты спиралью, делаем что-то вроде лабиринта. И крепим их растяжками.

– Выглядит довольно хлипко. А между тем созданные вами торнадо способны разрушать даже каменные строения.

– Здесь, на Аляске, все только начинается. Ветер, врываясь в деревянную спиральную конструкцию, закручивается спиралью, так рождается слабый еще вихрь. Его воронка поднимается к небу. И рукотворный смерч покидает площадку, уносясь к морю. Далее же все идет по нарастающей.

– Откуда же берется дополнительная энергия?

– По типу действия лавины. Торнадо растет, как снежный ком, катящийся с горы. В природе разлито много энергии: энергия солнца, приливов и отливов, ветра. Нужно только уметь прицепиться к ней, как цепляют вагоны к паровозу. Торнадо усиливается по мере продвижения, становится разрушительным, неудержимым. Главное, уметь приручить ветер, чтобы разрушительная стихия двинулась в нужном направлении. В конце прошлого века, когда я работал на Кубе, это было для меня большой проблемой, иногда месяцами приходилось ждать нужного направления ветра.

– Для военных это непозволительная роскошь, – вставил генерал. – Удар по противнику нужно наносить тогда, когда он требуется, а не выжидать благоприятного случая.

– Эту проблему мы решили. В моей лаборатории на основе окислов серебра был создан препарат. При его распылении в воздухе с самолетов происходит резкая конденсация влаги. В связи с чем создается перепад температур, что и вызывает ветер. Нужно только рассчитать, где и сколько препарата распылить, чтобы создать нужную подвижку воздушных масс. Единственное неудобство, в смысле конспирации, это возникающие в небе сияния, наподобие северного. Они предшествуют смерчу. Ну, а остальное вы уже знаете.

– Вы создатель абсолютно нового поколения вооружений – климатических. За ними будущее. Их действие пока не подпадает ни под одну из существующих конвенций. Доказать рукотворное происхождение торнадо почти нереально. А разрушения оно производит, сопоставимые с ковровой бомбардировкой. И, следуя разработанной вами технологии, каждый может расставить щиты так, чтобы возник ураган?

– Нет. Для этого нужна особая интуиция, что-то вроде абсолютного музыкального слуха. К вашему сожалению, но к моему счастью, на это способен только я. Годы поисков, ошибок и озарений выработали у меня это качество.

– Не набивайте себе цену, я и так вами дорожу, – улыбнулся генерал.

Глава 10

Немногочисленные больницы Советской Гавани не справлялись с наплывом людей, пострадавших от смерча. В первые часы после трагедии все палаты были уже переполнены. Пострадавших приходилось класть прямо в коридоре. Капельниц и элементарных лекарств на всех не хватало. Хирурги не успевали прооперировать одного пациента, как тут же требовалось сделать операцию другому.

МЧС уже всю разворачивали полевые госпитали, доставляли необходимое оборудование и медикаменты. Но все же драгоценное время было упущено. Смерч повалил деревья, перекрыв подъезды к поселкам. Десятки людей скончалось, так и не дождавшись элементарной медицинской помощи. Ревели бензопилы, трактора растаскивали завалы. Борьба за жизни продолжалась.

В палате военного госпиталя было тесно и душно. На больничных койках лежали и старики, и мужчины, и совсем молодые парни. Сюда из-за нехватки мест доставляли и гражданских. Кто-то спал, приходя в себя после наркоза. Кто-то морально готовился к предстоящей операции. Кто-то просто лежал под капельницей, считая капли, бегущие по прозрачной трубке.

У приоткрытого окна, прислонившись к стене, сидел на койке Михаил Павлов. Его правая нога, от щиколотки до колена, была перевязана бинтом. На белой марле краснели проступившие пятна крови. В отличие от других пострадавших, старлею повезло больше. Все кости были целы – ни переломов, ни микротрещин. Лишь сильные ушибы и глубокая рана.

Михаила волной протянуло по бетонной плите, когда он выбирался на берег. Если бы не гидрокостюм, кожу и мясо содрало бы до кости. А так обошлось лишь наложенным швом. Однако ступать на больную ногу Полундра пока не мог – врачи прописали ему постельный режим.

– Врубите кто-нибудь этот ящик, – процедил сквозь зубы мужчина с дальней койки.

– А тебе это надо? Покажут то, что мы с вами уже своими глазами видели, – отозвался кто-то из дальнего угла.

Возник спор: стоит ли включать или любитель новостей обойдется.

– Да ладно вам, нашли проблему, – подбросил в спор и свою фразу Полундра.

Забинтованная рука одного из больных дотянулась до пульта. На тумбочке загорелся экран небольшого переносного телевизора. Шел выпуск новостей. Как и ожидалось, главной темой по-прежнему был смерч и шторм, обрушившийся на дальневосточное побережье России. Все остальное, что происходило в стране, давалось лишь короткой бегущей строкой.

– Может, лучше сериал или фильм посмотрим. А то больно на все это глядеть, – раздраженно бросил мужчина с перебинтованной головой.

– От боли, дядя, таблетку выпей. Или попроси, чтобы укол «тройчатки» сделали.

– Нет, хороший фильм лучше таблетки боль снимает.

Но сколько ни переключали каналы, везде показывали одно и то же – последствия шторма и смерча. Даже на центральных каналах и на западных – новостийных.

– Слышите, что американцы говорят, – прибавил громкости больной, – все дело, оказывается, в глобальном потеплении.

– Кто бы сомневался, – отозвался парень, – ученые давно об этом заговорили. Вот только никто их не послушал. Так что ничего удивительного в этом нет. Выбросы в атмосферу лишнего тепла до добра не доведут.

– Точно, – кивнул старик, – раз уж и американцы об этом заговорили, значит, действительно все дело в глобальном потеплении. А наши, как обычно, врут.

– Почему это наши врут, а американцы правду говорят? Мне кажется, все наоборот.

– У нас если что плохое случается, то стараются масштаб последствий скрыть. А у них свобода слова.

– Знаем мы эту свободу...

Полундра молча слушал разговор своих соседей по палате. Он даже не пытался вступать в него, хоть и имел отличную от остальных точку зрения. Причина случившегося не казалось ему такой уж и однозначной. Глобальное потепление, конечно, могло породить и смерч, и шторм, но почему именно вблизи Совгавани, где размещалась военно-морская база? Почему не в другом месте? Конечно, это могло быть простым совпадением, случайностью. Но все уж слишком складно получалось, чтобы быть природным стечением обстоятельств.

– Миша! – раздалось от двери палаты.

Мысли старлея прервала Оля с сыном, решившая навестить его в больнице. Полундра просветлел, широко улыбнулся. Увидеть жену с сынишкой было для него самым лучшим подарком на данный момент. Ведь тогда в море, когда его потянул за собой смерч, он мысленно распрощался с близкими ему людьми. Он думал, что уже никогда не увидит их, никогда не прикоснется к любимым волосам, не почувствует аромат знакомых духов, не возьмет на руки сына...

– Папа, папа, смотри, – мальчик вертел в руках склеенную модель парусника.

– Молодец, – Полундра крепко прижал к себе сына.

– А мы потом, когда тебя выпишут, пойдем на море?

– Обязательно пойдем и парусник запустим. Он, знаешь, как далеко поплывет?

– Я уже большой, чтобы меня на руках держать.

Полундра поставил сынишку на пол.

– Поправляйся. Я тут тебе фруктов и напитки принесла, – жена поставила на кушетку пакет. – Врачи сказали, что через дня три тебя выпишут.

Михаил Павлов приподнялся и осторожно поставил больную ногу на пол.

– Давайте выйдем, – ощущая на себе любопытные взгляды, предложил старший лейтенант.

Прихрамывая и придерживаясь рукой за стенку, Полундра вместе с семьей вышел на улицу. На свежем воздухе дышалось легче и приятней, чем в душных помещениях госпиталя.

– Сыну пора в сад, – посмотрев на часы, сказала Оля.

– Я побуду и один, спасибо, что пришли. – Павлов порылся в карманах. – Кстати... только сейчас вспомнил, что я остался без мобильного. Дай, пожалуйста, свой.

– Без проблем. Тебе он нужнее, – улыбнулась жена.

Распрощавшись с семьей, Михаил Павлов присел на скамейку. Из головы все никак не лез выпуск новостей и разговор в палате. Полундра задумчиво почесал подбородок и набрал номер.

– Здравия желаю... Я прошу о встрече. Кажется, есть интересующая вас информация из моего прошлого опыта... Да, в связи с ураганом, – бросил он в трубку.

Глава 11

Тихий больничный дворик с его аккуратными клумбами и проложенными между ними тропинками так и дышал спокойствием и умиротворением. На уютных скамейках, под сенью многолетних верб, отдыхали и вели ни к чему не обязывающие разговоры пожилые люди. Немногочисленная молодежь держалась особняком, играя в карты на аккуратно подстриженном газоне. Проигравшие то и дело поднимались с травы и выполняли нелепые пожелания выигравших.

Подростковой фантазии не было предела. Кто-то становился под дерево и несколько десятков раз кукарекал, пытаясь симитировать горластого петуха. Кто-то сбрасывал куртку и под возмущенные возгласы и осудительные взгляды престарелых людей совершал обход по периметру больничного дворика. А кто-то и вовсе подбегал к какой-нибудь медсестре и признавался ей в любви.

На крыльце с незажженной сигаретой в пальцах сидел молчаливый Михаил Павлов. Время от времени он поднимался с нагретого солнцем бетона и неторопливо прохаживался по узкой тропинке, после чего вновь садился на ступеньки. Уже целых два часа он не мог найти себе места.

Воспоминания о случившемся в море не отпускали его ни на секунду. Он снова и снова прокручивал в голове те трагические события, винил себя за то, что не настоял на том, чтобы командир гидрографического судна вернулся на базу – подкрытие мола. И чем дальше Полундра углублялся в свои размышления, тем угрюмей и болезненней становилось его лицо.

Скрежет раздвижных ворот вернул старшего лейтенанта Павлова в реальный мир. Он поднял голову и посмотрел на въезжающую во внутренний больничный дворик черную «Волгу» с военными номерами. Тонированные стекла надежно скрывали от посторонних глаз ее пассажира.

– Оперативно отреагировали. Значит, и у них есть сомнения, – приободрился Полундра.

Машина обогнула ряд клумб и остановилась напротив крыльца. Лицо Полундры, отразившееся в зеркальной тонировке бокового стекла, медленно заколыхалось – стекло поползло вниз. Из затемненного салона пахло резким и ненатурально густым освежителем «Елочка».

– Старший лейтенант Павлов? – донеслось из чрева «Волги».

– Так точно. – Полундра кивнул.

Задняя дверца открылась, и рука пассажира, спрятавшегося в полумраке салона, в приглашающем жесте указала на свободное место.

– Оперативно, однако, прибыли, – опустившись на мягкое сиденье, выдохнул старлей.

– Прокатимся немного. Вы не возражаете? – с переднего сиденья на Павлова смотрел молодой человек в очках.

– Да. Но... – хотел было возразить Михаил.

– Не беспокойтесь. Мы уже поговорили с вашим лечащим врачом. Он не возражает, – мужчина на переднем сиденье выпрямился и коротко кивнул.

Водитель тронул машину с места. Под любопытные взгляды пенсионеров «Волга» выехала за ворота госпиталя и медленно покатила по запорошенной сорванными во время шторма листьями дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.